

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК РЕГИСТР САМОСОЗНАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: СЛУЧАЙ ФРАНЦИИ¹

О. А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 9 июня 2020 г.

Аннотация: в статье дискутируется роль истории философии в складывании самосознания национальной традиции. Показывается, что поле истории философии служит для фиксации философской современности. Обсуждаются центральные оппозиции историко-философского пространства классической эпохи. В рамках исследования историко-философского самосознания французской философии классической эпохи ставятся проблемы философской историографии. На основании проделанного анализа и поставленных проблем автор аргументирует тезис о том, что история философии Нового времени в своих виднейших представителях развивается во Франции как критическая теория истории философии, как философская историография. В горизонте интерпретации вектора «современность – своевременность» демонстрируется, что в качестве исходного времени своего критического исследования большинство историографов XX в. выбирают философию и историю философию Нового времени.

Ключевые слова: история философии, классическая эпоха, французская философия, национальная традиция.

Abstract: the article discusses the role of the history of philosophy in the formation of self-awareness of national tradition. It is shown that the field of the history of philosophy serves to fix philosophical modernity. The central oppositions of the historical and philosophical field of the classical era are discussed. In the framework of the study of historical and philosophical self-awareness of French philosophy of the classical era, the problems of philosophical historiography are posed. Based on the analysis and problems posed, the author argues the thesis that the history of the philosophy of the New Age in its most prominent representatives is developing in France as a critical theory of the history of philosophy, as philosophical historiography. In the interpretation horizon of the vector “modernity - timeliness” it is demonstrated that most historiographers of the 20th century choose the philosophy and history of the philosophy of the New Age as the starting time for their critical research.

Key words: history of philosophy, classical era, French philosophy, national tradition.

Большинство историков философии понимают свое дело как невинную доксографическую практику, ведь они, как представляется, излагают чужие мысли и воссоздают чужие концепции; ведь они не имеют

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ 18-011-01189 «Французская философия классической эпохи как национальный проект: история и самосознание».

дело с современностью, а касаются только окаменелостей; ведь, если они и вносят что-то свое, то только в том случае, если требуется воссоздать систему идей на фоне эпохи, т. е. собрать целостность, которая, как предполагается, была таковой в прошлом, а после была просто утрачена. Исследования последнего века всячески стремятся избавиться от этого расхожего представления: в спорах об анахронизме, дискуссиях о практиках памяти, развитии теории и методологии истории философии она проблематизируется как специфическая область идеологии. История философии либо воспринимается как часть истории (интеллектуальной истории) – науки, призванной не только воссоздавать утраченное, но и создавать искусственные целостности прошлого; либо расценивается как часть философии – та, которая дает ей алиби определенной (именно такой, а не какой-то иной) оценки современности. В обоих случаях история философии указывает на ту точку, из которой возможно развитие самосознания: самосознания современного человека в целом; европейца в контексте проекта нового времени; конкретной национальной философской традиции.

Роль истории философии в складывании самосознания национальной традиции или эпохи, конечно же, непостоянна. Иногда она, как последние десятилетия, отходит на второй план, уступая место другим практикам памяти, которые оказываются наиболее близки эпохе. Однако иногда выходит на первый рубеж и становится одним из важнейших регистров самосознания как для традиции, так для эпохи. Случай, когда нация и эпоха сходятся в одной точке, уникален. Среди единичных случаев такого пересечения в горизонте самосознания Франция нового времени представляет самый первый пример: именно здесь история философии стала одним из пространств становления идеологии эпохи и одновременно полем складывания национального самосознания.

Как формируется то поле, которое станет рабочим для критического историко-философского сомнения во Франции? Какие проблемные точки мы видим (или можем теперь увидеть)? Где, в какие моменты поле эпохи и поле истории философии не накладываются друг на друга, а образуют зазор, давая простор интерпретации, а где, в своем полном совпадении, дают возможность посмотреть за одну сторону «стекла» через другую? Словом, как формировалась та история философии классического века, которая в XX в. воспринимается не только как исток нововременного историко-философского проекта, но и как исток современного исторического самосознания?

В XVII в. историки философии, будучи во многом тогда еще историками мысли, четко разделяли историю и философию, историю и самую актуальную мысль. Эта тенденция акцентирования рубежа, осмысления себя как носителей «новой», «нововременной» мысли заметна в обозначенном Декартом отличии познания мысли древних и познания истины [1, с. 255]. Она дает о себе знать в полемическом характере французской философии того времени: в манере, анализируя мысль прошлого, обли-

чать ее в ошибках и развенчивать заблуждения [2, с. 9]. И наконец, она декларируется самим спором между «древними» и «новыми», который и сделал возможным для Франции историю философии как науку. Полярность современности и истории носит для истории философии не просто методологический исследовательский характер. Историки философии, «новые», не просто считаются превосходящими «древних», о которых они пишут, они опираются на «плечи гигантов», при этом следуя хорошему тону идеологии того времени, позиционируя разрыв [3].

Для истории философии полярность «древность – современность» влечет не только разрыв, но и примирение. Она способствует закладыванию оснований историзма и складыванию методологических оснований исследования континуальности мысли. Пьер Кост объясняет многообразие философских теорий тем, что философы, будучи, прежде всего, людьми, интуитивно ищут истину и могут ошибаться: различие мнений – свидетельство ошибок, которые преодолеваются в истории. Противоречивая древность лишь представляет разные способы выразить такую сложную и многогранную истину, иногда она заблуждается в мелочах, попадая в ловушку мировоззрения и методологии, своей позиции и ракурса исследования. Последним образом понимает суть истории философии Пьер Бейль: следуя общему движению нового времени, он ищет методологию, которая позволит держаться истины и понимать больше, чем понимали древние [4].

Идеология прогресса утверждается в истории философии, и благодаря ей в XVII–XIX вв. примиряются «древние» и «новые» [5, р. 3–300]. Поле изучения прогресса философской мысли становится полем самосознания «новой» современности: дистанция «прошлое – настоящее» становится необходимым полем различения для самосознания, отражая поле «свое – чужое». Современная философия, по А. Ф. Деланду, стала таковой благодаря исследованию мнений прошлого: в преодолении ошибок, постижении разных мнений. Ж. М. Дежерандо размечает историко-философское поле «свое – чужое», обращаясь к исследованию различных философских культур и идей. Так утверждается представление о неполноте идей и систем, которая может быть преодолена современной философией путем перехода от истории к самой философии. К концу XIX в. путь становления современного разума начинает мыслиться не как путь ошибок древних, но как путь от несовершенства к совершенству.

Говоря о французской философской историографии, следует постоянно иметь в виду еще один важный момент: бинарные оппозиции для Франции всегда имели определяющую роль, независимо от того, пытались их утверждать или отвергать. Национальная и государственная целостность Франции конституировалась через преодоление оппозиции «Север – Юг»; на исходе Средних веков потребовался настоящий крестовый поход для установления политического и (хотя бы видимого) религиозного единства. Оппозиция сохранилась в «снятом» виде и до сих пор дает о себе знать, отливаясь порой в сепаратистские настроения. Дру-

гой, не менее важной оппозицией, сформировавшей облик современной Франции, стало противостояние гугенотов и католиков. Кровавая резня на улицах имела своим соответствием напряжение между ортодоксальной и реформистской тенденциями в интеллектуальной жизни, которое в философской историографии нашло себе место в рамках спора о достоинствах «старых» и «новых». Ведь дело было не просто в хронологической близости или удаленности того или иного автора, но еще и в том, как он использовался реакцией или реформистскими силами [6].

Спор о «древних» и «новых» не ограничивается Новым временем, когда происходило утверждение современной философии. Уже к XVIII столетию сформировалась новая университетская ортодоксия, которую мы сегодня связываем с картезианством и рационализмом, что привело к формированию нового фронта и новой оппозиции – между Университетом и Академией, а чаще – между Университетом и салонным пространством, в котором существовали «частные» мыслители [7]. В свою очередь, здесь коренится оппозиция между различными формами философствования – академической и маргинальной, – также сохраняющаяся в наши дни. Наконец, здесь же стоит упомянуть неявную, но постоянно сохраняющуюся оппозицию, порождаемую интеллектуальной иммиграцией: интеллектуалы, укорененные на академической французской почве, и номады, ищущие свободы и популярности за пределами Франции. Историю такого философского номадизма легко проследить от Декарта до Бодрийяра и Латура [8]. (Недаром один из поздних и нереализованных проектов М. Фуко, связанных с «историей систем мысли», предполагал создание общей истории эмиграции.)

Поскольку настоящая работа не имеет своей целью структуральный анализ бинарных оппозиций, имеющих конститутивный характер для интеллектуальной традиции во Франции, ограничимся констатацией их чрезвычайной значимости для превращения философской историографии в пространство самоосмысления французской философии. В самом же этом пространстве центральным моментом стал поставленный Просвещением вопрос о современности. Знаменитая статья И. Канта «Что такое Просвещение?» была кристаллизацией идей и интуиций, добрая половина которых развилась на галльской почве. П. Шоню [9] справедливо утверждал, что Просвещение – это прежде всего Франция и Германия, а уже потом вся остальная Европа. В том, что касается выведения на первый план философской историографии, добавим мы, – это прежде всего Франция, а затем уже Германия. Вопрос о современности и, в первую очередь, о философской современности, есть не только вопрос о своевременности [10]. Ницше мог появиться только на немецкой почве; для французских интеллектуалов этот вопрос означает прежде всего «кто мы?» и «откуда мы?», и только потом уже – «где мы?». Несмотря на всю условность этой конструкции, едва ли можно оспорить тот факт, что собственно история для французов эпохи Просвещения стояла на втором месте, тогда как первое занимала философия. Французская

философская историография есть при своем рождении дисциплина философская, а ее дрейф в сторону истории, в пределе превращающий ее в «историю мысли», есть позднейший процесс, начавшийся под влиянием внешних конъюнктур, и не в последнюю очередь в силу проникновения на галльскую почву немецких веяний.

Итак, вопрос о современности, поставленный в пространстве философской историографии, становится ядром, вокруг которого кристаллизуется комплекс идей, выражающих самосознание эпохи. Это не означает, конечно же, что носители этого самосознания представляли коллективный субъект, занимающийся определенного рода профессиональной деятельностью, или что все интеллектуалы, выступающие носителями этого самосознания, были по профессии историками философии. Напротив, создававшаяся ситуация была возможна потому, что историко-философская рефлексия вышла далеко за пределы академического пространства, в котором ей надлежало пребывать по определению, и стала частью общественной мысли. Поражение Франции во Второй мировой войне можно было трактовать таким образом: Гегель одержал победу над Декартом, а это означало возобладание германского духа над галльским.

Итак, можно сказать, что в пространстве историко-философского дискурса сложился определенный диспозитив, позволяющий ставить, а главное, определенным образом решать вопросы, далеко выходящие за границы чисто академических или дидактических интересов и принадлежащие к регистрам социального или политического. Учитывая значение, придаваемое философии во французской системе среднего и высшего образования, можно сказать, что именно философия обеспечивает интеллектуалов дискурсивными средствами, позволяющими судить о политических, идеологических, нравственных или корпоративных проблемах со столь высокой степенью генерализации, что это оказывается возможным лишь в тех дискурсивных пространствах, которые имеют то или иное отношение к философии. Разумеется, это не означает перевода любой общественной проблематики на язык философии; напротив, философия становится прикладным инструментом, поставленным на службу текущей общественной конъюнктуре, и утрачивает характер отвлеченного спекулятивного знания. А легитимация национального проекта посредством опоры на интеллектуальную традицию, ставшая после окончания Второй мировой войны главным средством утверждения национальной идентичности, делает историю философии опорной точкой национального самосознания.

Ситуацию с историей философии во Франции можно считать одновременно и уникальной, и универсальной. Универсальность ее заключается в том, что, так же, как и вся французская интеллектуальная традиция, такая разновидность письма (а ведь история философии – именно форма письма, в том значении термина *écriture*, который актуализировали постструктуралисты в 60-е гг.) служит образцом или, быть может, матрицей для формирования аналогичных форм дискурса в других

культурных пространствах [11]. Культурное лидерство Франции, некогда неоспоримое, а теперь оспариваемое со всех сторон, в значительной степени сохраняется в сфере философии. Собственно история для французской традиции имеет второстепенное значение по сравнению с философией (тогда как, скажем, в Германии дело обстоит прямо противоположным образом), и то обстоятельство, что история философии является здесь именно философской научной дисциплиной, дает философии внутренний инструмент, обеспечивающий ей приоритет перед историей. Этот диспозитив переносится в национальные философские традиции, избирающие себе ориентиром традицию французскую.

Уникальность же французской ситуации состоит в том, что общественная роль философии здесь беспрецедентно велика, так что она занимает нишу, в общественных пространствах других стран попросту отсутствующую. История философии в академическом пространстве, где приходится существовать современной философии, остается во многом и, быть может, прежде всего дидактической дисциплиной. Образовательная система, уделяющая первостепенное значение преподаванию философии в средней и высшей школе, по необходимости уделяет большое значение и преподаванию истории философии. А это, в свою очередь, требует разработки теоретической базы, на которую такое образование может опираться. Но, конечно же, не это делает историко-философскую рефлексию центральным моментом рефлексии интеллектуалов по поводу национальной самобытности французов.

«Век философии» – понятие, не только пересекающееся с понятиями Просвещения и Классической эпохи, но по объему почти совпадающее с ними, и современная образовательная система во Франции – прямая наследница этой эпохи.

Не стоит, конечно, забывать о том, что понятие классической эпохи, которым мы сегодня так свободно оперируем, во многом представляет собой результат исследовательской проекции и телеологического взгляда, брошенного из сегодняшнего дня в прошлое. Как заметил когда-то (имея в виду эллинизм) А. В. Лосев, любая эпоха имеет переходный характер, и любая обладает вместе с тем собственной отчетливо выраженной физиономией. И в то же время современники очень редко, а может быть, и вообще никогда не могут уловить особенность своего времени, а напротив, полагают, что оно ничем не отличается от прочих. Просвещение было исключительным моментом западной истории в том отношении, что оно сознавало себя как нечто исключительное. Понимание этой исключительности готовила классическая эпоха, и история философии была ее главным орудием в том, что касается сознаваемого разрыва с прошлым.

Кроме того, как мы уже упоминали, круг интеллектуалов, совершавших то, что теперь нам видится как подлинная революция в сознании, был столь узок, что их философию едва ли можно считать полным отражением духа эпохи. Если их тексты что-то репрезентировали, то только

состояние духа этих революционеров, на которых ориентировался куда более широкий, но в целом всё же довольно малочисленный круг последователей. Но если какая-то группа и могла стать носительницей самосознания классической эпохи, то это были именно философы. Они не ставили перед собой принципиальную цель осмысления своего места во всемирной истории – для этого они были еще слишком механицистами, – но самый ход развития их философии порождал определенный диспозитив мысли, в котором историко-философский дискурс становился местом концентрированного самосознания эпохи.

Разумеется, стоит понимать, что представленный взгляд на историю французской философии является взглядом возможным благодаря последним десятилетиям, сформировавшимся в ходе развития тенденций философии и истории философии. При этом примечательно, что философская историография как критическая теория истории философии развивается в XX в. первоначально во Франции: в работах Э. Брейе, М. Геру, Ф. Алкье, Л. Бруна. Поэтому, возможно, в качестве исходного времени своего критического исследования большинство историографов выбирают философию и историю философию Нового времени. В каком-то смысле, история философии Нового времени в своих виднейших представителях развивается во Франции как критическая теория истории философии, как философская историография. Вектор самосознания ведет национальную традицию Франции от настоящего философии к ее прошлому (для обоснования современности в позиционировании его отличия от древности), к истории философии, а в пределе XX в. дает ей возможность взойти на уровень критической философии истории философии [12].

Литература

1. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт ; пер. Г. Г. Слюсарева // Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1.
2. Кротов А. А. Философия истории философии во Франции : (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры) / А. А. Кротов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018.
3. Фонтенель Б. Свободное рассуждение о древних и новых / Б. Фонтенель // Спор о древних и новых. – М. : Искусство, 1985. – С. 250–264.
4. Бэйль П. Исторический и критический словарь : в 2 т. / П. Бэйль. – М. : Мысль, 1968.
5. Models of the History of Philosophy. Vol. II: From the Cartesian Age to Brucker / eds. G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht ; Heidelberg ; London ; New York : Springer, 2011.
6. Гордон А. В. Историческая традиция Франции / А. В. Гордон. – М. : Контент-Пресс, 2013.
7. Brockliss L. W. French higher education in the seventeenth and eighteenth centuries : a cultural history / L. W. Brockliss. – Clarendon Press, 1987.
8. Gutting G. French Philosophy in the Twentieth Century / G. Gutting. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

9. *Шоню П.* Цивилизация Просвещения / П. Шоню. – М. : АСТ, 2008.
10. *Нисбет Р.* Прогресс : история идеи / Р. Нисбет. – М. : ИРИСЭН, 2007.
11. *Ricken U.* Linguistics, Anthropology and Philosophy in the French Enlightenment : a contribution to the history of the relationship between language theory and ideology / U. Ricken. – London : Routledge, 2002.
12. *Власова О. А.* История философии во Франции : идеология прогресса и коллизии самосознания / О. А. Власова // Вестник Вятского гос. ун-та. – 2019. – № 1 (131). – С. 38–43.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии

Власова О. А., доктор философских наук, профессор кафедры истории философии

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Saint-Petersburg State University, Institute of Philosophy

Vlasova O. A., DSc in Philosophy, Professor of the History of Philosophy Department

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com